

РУСЬ УГОРСКАЯ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ОПЫТА ГЕОГРАФІИ РУССКАГО ЯЗЫКА (*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій я имѣлъ честь представить вамъ, мм. гг., мнѣнія свои о географіи русскаго языка, о вопросахъ, входящихъ въ ея содержаніе, о возможности приступить къ систематической ихъ обработкѣ и о тѣхъ матеріалахъ, которые можно уже имѣть въ виду для этой работы. Продолжая разработку матеріаловъ, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько начатковъ сведенія ихъ въ одно цѣлое, — и теперь позволяю себѣ передать на предварительный судъ вашъ отрывокъ изъ моего труда, въ надеждѣ, что буду почтенъ замѣчаніями отъ знатоковъ дѣла и найду возможность въ дальнѣйшемъ ходѣ работы избѣгать хоть нѣкоторыхъ изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя не могу не впасть въ дѣлѣ, до нѣкоторой степени новомъ и малоизвѣстномъ.

Не повторяя того, что высказано было мною въ прежней запискѣ (**), я замѣчу, что всѣ вопросы, входящіе въ географію языка, удобно подходятъ подъ четыре разряда:

(*) Читанъ въ общемъ собраніи Общества 29 сентября 1831 года.

(**) Эта записка была помѣщена въ первой книжкѣ Вѣстника за 1831 годъ.

I. Объ области, занимаемой языкомъ: о землѣ и народѣ въ историко-географическомъ отношеніи, о расселеніи народа и вселеніи въ его землѣ иноземцевъ.

II. О языкѣ, въ отношеніи къ его характеристическимъ признакамъ, къ вліянію, которое на него производили мѣстность природы и языки сосѣдей.

III. О народной словесности, какъ произведеніи мѣстности на языкѣ этой мѣстности.

IV. О письменной обработкѣ языка, также, какъ произведеніи мѣстномъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти вопросы, будучи при-
мѣнены къ географіи того или другаго языка отдѣльно, пре-
вращаются въ вопросы о нарѣчіяхъ, на которыя онъ раздѣ-
лился; что о языкѣ вообще въ его географіи можно говорить,
или предварительно представляя доказательства; почему то
или другое дѣленіе на нарѣчія можетъ быть признано спра-
ведливымъ, или въ концѣ труда, какъ сводъ выводовъ, добы-
тыхъ изъ географическаго разбора нарѣчій.

Считаю необходимымъ изложить здѣсь въ краткомъ очер-
кѣ свои понятія о языкѣ русскомъ вообще, относительно
его дѣленія на нарѣчія.

Состояніе раздробленія на многообразныя мѣстныя нарѣ-
чія и говоры, въ которомъ представляется наблюдателю рус-
скій языкъ въ наше время, есть явленіе болѣе или менѣе
новое. Какъ слѣдствіе отчасти естественной измѣняемости,
которой подчиненъ каждый языкъ, отчасти хода судебъ рус-
скаго народа, оно выражалось постепенно все болѣе. Въ эпоху
его отдѣленія отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, въ эпоху
первоначальнаго образованія русскаго народа, какъ народа
отдѣльнаго, этого разнообразія мѣстныхъ нарѣчій въ немъ
не было. Не было по крайней мѣрѣ на столько, на сколько
оно зависитъ отъ привитія къ языку новыхъ, прежде небы-
вавшихъ особенностей строя и состава. Если въ нѣкоторыхъ
мѣстностяхъ языкъ и отличался, то развѣ только тѣмъ, что
или удерживалъ кое-что изъ древнихъ свойствъ своихъ въ то
время, какъ этого уже не было въ другихъ мѣстахъ, или, на-
противъ того, ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, утратилъ то,

что нѣсколько позже должно было утратиться и всюду. Было еще, можетъ быть, нѣкоторое разнообразіе въ составѣ языка — въ массѣ и употребленіи словъ, въ нѣкоторыхъ привычныхъ выраженіяхъ. Кажется, не болѣе. Были, можетъ быть, нѣсколько отличные другъ отъ друга говоры, но не было различныхъ мѣстныхъ нарѣчій.

Такое состояніе нераздѣльности русскаго языка, какъ одного нарѣчія, немногими чертами отдѣлившагося отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, продолжалось почти до исхода XIII вѣка: памятники русской письменности, оставшіеся отъ этого времени, гдѣ бы ни были писаны, не отличаются одни отъ другихъ такими особенностями языка, которыя можно назвать русскими, — особенности, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, являются или какъ слѣдствія вліянія элемента старо-славянскаго церковнаго, или въ переводахъ съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, — какъ слѣдствіе неумѣнья пользоваться русскимъ языкомъ, несвободы или неправильности выраженія.

Въ XIII — XIV вѣкѣ совершился для русскаго языка тотъ кризисъ, въ силу котораго древнія формы должны были пасть, а новыя — получить силу исключительной законности. Останавливаясь на этомъ разграниченіи, для ближайшаго обозначенія котораго можно указать на двадцатые годы XIV вѣка, какъ на время образованія княжествъ Московскаго и Литовскаго и паденія княжества Галицкаго, и припоминая прошедшія перелѣтъ судьбы народа русскаго, можно вспомнить, какъ болѣе важное въ отношеніи къ языку:

Во первыхъ, сближеніе русскихъ Славянъ съ Греками и Норманнами и кромѣ того съ народами финскими — на сѣверѣ и востокѣ, и съ народами татарскими — на югѣ и востокѣ, а съ Нѣмцами и Литовцами и съ соплеменными Болгарами, Словаками, Поляками — на западѣ: это сближеніе не могло остаться безъ вліянія на языкъ русскій.

Во вторыхъ, связи между разными частями русскаго народа скрѣплялись единствомъ верховной власти, которая хотя и раздробилась потомъ на удѣлы, между членами княжескаго рода, но долгое время сдерживала свое значеніе вмѣстѣ со значеніемъ единства всей земли русской. Съ этимъ вмѣстѣ шло въ уровень передвиженіе Русскихъ съ юга на сѣ-

веръ и съ сѣвера на югъ : движеніе отъ Новгорода и Волги къ Кіеву и Дону, довольно частое, дружинъ военныхъ и промышленныхъ (въ родѣ тѣхъ плотниковъ Ярослава, надъ которыми насмѣхались воины Святополка), уравнивавалось съ движеніемъ подобныхъ дружинъ отъ Кіева и Дона къ Новгороду и Волгѣ; и то и другое вмѣстѣ сопровождалось построениемъ городовъ жителями юга на сѣверѣ и жителями сѣвера на югѣ. Все это препятствовало раздробленію русскаго языка на мѣстныя различія, до тѣхъ поръ, пока раздробленіе на удѣлы не повело за собою временнаго расторгенія частей княжескаго рода на нѣсколько какъ будто независимыхъ родовъ.

Въ XIII — XIV вѣкѣ отживала древняя Русь свою послѣднюю годину. Внутреннія смуты и внѣшніе враги потрясли ее во всемъ ея составѣ и возбудили въ ней искры той новой жизни, которая должна была развиться послѣ. Языкъ русскій былъ также потрясенъ въ это время и сбросилъ съ себя древнюю одежду. Образовавшійся къ этому времени языкъ учено-литературный сплился сдерживать стремленіе языка народнаго къ направленію противоположному съ тѣмъ, къ которому самъ былъ приученъ характеромъ древняго языка народа и церкви; но сдерживалъ гораздо менѣе, чѣмъ самъ подчинился стремленію общенародному. — Внутреннія смуты и внѣшніе враги раздробили Русь на нѣсколько частей, почти независимыхъ; княжества южныя отдѣлились отъ сѣверныхъ; на сѣверѣ княжества западныя отдѣлились отъ восточныхъ; на югѣ хотя власть и сосредоточилась въ родѣ князей галицкихъ, но не на-долго, и то даже не по всему пространству одинаково, такъ, что и тутъ западъ легко могъ отдѣлится отъ востока, какъ случилось при возвышеніи княжества Литовскаго. Это временное распаденіе Руси, повлекшее за собою разъединеніе интересовъ и взглядовъ, разрозненіе условій быта общественнаго и частнаго, не могло не подѣйствовать на языкъ. Общее сотрясеніе языка отозвалось на частяхъ русскаго народа развитіемъ мѣстныхъ нарѣчій. Южныя части русскаго народа — народонаселенія княжествъ Кіевскаго, Сѣверскаго, Черниговскаго, Вольнскаго, Подольскаго, Галицкаго — отдѣлились языкомъ отъ частей сѣверныхъ, въ которыхъ также показались особенности языка не

только между Новгородцами и Рязанцами, но и между Рязанцами и Смольянами. Каждая из частей Руси подчинилась особенному влиянію иноземцевъ, которое еще болѣе содѣйствовало разъединенію мѣстныхъ нарѣчій.

Современно съ распаденіемъ Руси особеннымъ путемъ пошло и расселеніе народа. Сѣверо-восточное народонаселеніе потянулось почти исключительно на сѣверо-востокъ — къ Бѣлому морю, къ Уралу и за Уралъ; юго-западные Русскіе — на югъ и частію даже на западъ. Правда, что сѣверяне Русскіе успѣли окрѣпить свою казацкую дружину на югѣ — на низовьѣ Дона въ сосѣдствѣ съ подобной казацкой дружиной Русскихъ южанъ, на понизовьѣ Днѣпра; но кочевья Татаръ-отдѣлили и этихъ сосѣдей.

Возсоединеніе Руси, которому положены были начала въ XV — XVI вѣкѣ, началось уже тогда, когда нарѣчія русскія опредѣлились въ своихъ особенностяхъ, каждое съ своимъ независимымъ характеромъ, когда нѣсколько различныхъ отдѣлковъ языка въ разныхъ краяхъ получили не только значеніе литературное, но и политическое и даже отчасти религіозное. Разрозненіе мѣстныхъ партій не помѣшало возсоединенію частей русскаго народа, какъ не мѣшало и нигдѣ, если возсоединеніе происходило еще во-время и утверждалось на единствѣ воспоминаній и вѣрованій; напротивъ, оно дало болѣе простора развитію народнаго духа и обѣщаетъ еще многое для нашей народной образованности и умственной, и общественной.

Основываясь на такомъ взглядѣ на наше прошедшее и на качествахъ мѣстныхъ нарѣчій нашихъ, я раздѣляю народный русскій языкъ географически, въ его древней области, на два главные отдѣла: сѣверно-русскій и южно-русскій, и считаю необходимымъ прослѣдить въ географіи русскаго языка судьбы того и другаго отдѣла со второй половины XIII вѣка. Каждый изъ этихъ отдѣловъ я дѣлю на два подраздѣленія: первый — на велико-русское (сѣверное съ сибирскимъ и южное съ донскимъ) и бѣлорусское (полоцкое и псковское); второй — на восточное (т. е. малорусское и вольнское) и западное (т. е. галицкое и угорское за-карпатское). Края, куда выселился русскій народъ изъ своей древней области, не могутъ, кажется,

быть разсматриваемы отдѣльно, но какъ части тѣхъ краевъ, откуда произошли ихъ поселенцы.

Приготовивъ матеріалы для географіи нарѣчій южно-русскихъ, я занялся ихъ посильной обработкой, и теперь представляю одну главу изъ этого труда — о Руси за-карпатской, угорской.

РУСЬ УГОРСКАЯ.

§ I.

ЗЕМЛЯ И НАРОДЪ.

Бдучи по южнымъ отлогостямъ Карпатскаго хребта съ запада на востокъ, путешественникъ встрѣчается съ людьми русскими въ окрестностяхъ Бардѣва и Ужгорода или, какъ мы привыкли называть, Бартфельда и Унгвара. Русины по вѣрѣ живутъ и западнѣе, въ столицахъ (комитатахъ) Гёмёрской, Спишской, Шаршской, Земненской; но это — Русины по вѣрѣ, люди русской вѣры, по языку и народности они — Словаки и Мадыары: всѣ уніаты и православные называются въ Венгріи Русинами, если только они не Волохи и не Сербы. На востокъ же отъ окрестностей Бардѣва и Ужгорода живутъ люди рускіе въ полномъ смыслѣ этого слова, родные братья наши, однокровные съ нами потомки древней Руси, и по народности и по своимъ древнимъ воспоминаніямъ. Въ епархіи Мукачевской, пдущей по столицамъ Земненской, Унгварской, Сабольской, Угочьской, Сатмарской, Бережской и Мармарошской, живутъ они въ числѣ 470,000, или около того; въ епархіи Прешовской, простирающейся по столицамъ Шаршской, Спишской, Гёмёрской, Торнянской, Абаюварской, Боршодской и Земненской, ихъ можно считать до 50,000: всего слишкомъ 500,000 (*). Преимущественно русскими на-

(*) Г. Головацкій по расчету за 1840 годъ насчиталъ ихъ въ шести

звать можно столицы Мармарошскую, Бережскую, Угочьскую; Унгварскую, Шаришскую и половину Земненской.

Примыкая на западъ къ Словакамъ, на югъ къ Мадырямъ и Волохамъ, а на сѣверъ къ Русинамъ галицкимъ, они отдѣляются отъ послѣднихъ хребтомъ горъ Карпатскихъ, называемыхъ тамъ Бескидами или Бесчадью, и занимаютъ южные и западные склоны этихъ горъ, по бассейну верхней Тиссы на югъ до Вуйлака (Tissa Ujlak), по бассейну Латорицы и Уга до ихъ соединенія, по бассейну Люборцы, Ондавы и Тонлы и по верховьямъ бассейна Торисы (*).

Правда, что и внѣ этого пространства можно встрѣтить въ Венгріи селенія русскія; но они образовались изъ переселенцевъ позднѣйшаго времени и лежатъ разбросанно въ разныхъ краяхъ. Правда и то, что внутри пространства, нами обозначеннаго, есть селенія не-русскія, и кое-гдѣ довольно важныя по количеству народа; но и они суть поселенія новыя, а не остатки древняго народонаселенія, которымъ считать можно однихъ Русиновъ (**).

Всѣ Русскіе въ этомъ краю не иначе называютъ себя, какъ именемъ *Русиновъ* или, собирательно, *Русью*. Есть и мѣстныя названія: такъ, восточная часть Мармарошской столицы называется у нихъ *Мармаріей*, *Мармарщиной*, а жители носятъ имя *Гуцуловъ*; погорья западной части столицы Мармарошской

столицахъ 411,500, изъ 1,031,271 общаго числа жителей, изъ которыхъ 208,800 принадлежатъ къ церкви римско-католической, а 574,631 къ числу унятовъ. Cas. Ces. Mus. 1843. стр. 49.

(*) Черта, по которой они сосѣдять съ Словаками, Мадырями и Волохами, идетъ отъ вершины Чевчина и Кукольника по Тисѣ, гдѣ находятся послѣднія русскія селенія, Поляна, Русскова, Бостель (Rhónaszek), отъ Вишовой лѣвымъ берегомъ Тисы до Вишкова (Visk) къ востоку, черезъ южную часть Угочьской столицы до Вуйлака (Ujlak) и Варёва (Vári), оттуда черезъ Латорицу къ Капашавамъ (Karos) и на сѣверъ около Михайловцевъ (Nagy Mihaly) вверхъ, южнѣе Пришова (Eperjes) по Торяцъ къ долиинѣ Попрадской.

(**) Кромѣ Русиновъ жили еще въ этомъ краѣ Волохи, какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія до сихъ поръ названія селеній и вообще мѣстностей, на-пр. Брустугра, Талаборъ и т. п.; но едва ли можно доказать, что эти Волохи сюда явились не въ позднее время. Можетъ быть, конечно, другое чуждое славянскому народонаселенію и жило здѣсь въ вѣка древности; но это остается пока тайной.

и сѣверъ столицы Бережской называются *Верховиной*, а жители — *Верховинцами*. Далѣе на западъ, въ столицахъ Унгварской и Земненской, простирается *Краина*, по имени которой и жители слывуть *Крайнянами*. Въ сосѣдствѣ съ ними живутъ *Сотаки* — смѣсь Русиновъ и Словаковъ (*). Наконецъ жители горной части столицы Шаришской, которую называютъ *Макова*, извѣстны подъ именемъ *Маковцевъ* или *Маковянъ*. Есть еще *Бойки*: такъ называютъ всѣхъ горянъ сѣверныхъ отъ верховій Латорицы къ Папради; но сами горяне этого названія стыдятся, считая его за бранное прозвище. Всѣ эти мѣстныя названія нисколько, впрочемъ, не заглушаютъ общаго имени — *Руси*.

Утесы горъ и чащи лѣсовъ, ихъ окружающія, искони затрудняли связи этого отдѣла русскаго народа съ остальными

(*) *Сотаки* или *Шотаки* живутъ въ Земненской столицѣ (*Zempliner comitat*), особенно въ Краинскомъ округѣ, съ вершинъ Карпатскихъ горъ за Гуменное (Номона). Нѣкоторые полагали, въ томъ числѣ и г. Кухарскій, что названіе Сотаконъ произошло будто бы отъ ихъ привычки говорить *со* вмѣсто *цо* (что), и что это названіе дано было имъ горожанами; но это едва ли справедливо. Шафарикъ, напротивъ, въ этомъ имени видѣлъ слѣдъ народа Сатаговъ, которые, впрочемъ — по сказанію Юрнада (гл. 83) — *inferiorem Pannoniam possidebant*. (*Caz. Ces. Museum*. 1834. стр. 42. *Slow. Staroz. I* §. 6: 10 и § 11: 10. Справ. К. Zeuss. *Die Deutschen*. 703, 704, 709). Съ мнѣніемъ Шафарика сходно мнѣніе г. Потемкина, считающаго ихъ за ославянившихся Мадьяровъ (*I. Kollara, Národnie Spiewanky II*. стр. 476), хотя говоръ ихъ, сколько ни отличенъ отъ другихъ словацкихъ говоронъ, не носитъ на себѣ вліянія мадыарскаго — ни въ строѣ грамматическомъ, ни въ словахъ. Вотъ отрывокъ, для образца чистаго сотацкаго нарѣчія:

Ти с мору медау свою указал,
 А ту си му преступиць заказал.
 А бы уж вецей ту земь не залжао
 Джем медзи свима брегами се граю.
 Ти си змедзи гор жредла отворел,
 З них водне потоки випровадзел,
 Ктери з росказу твојого се точа,
 А черствим бегом удоли омоча.

Нѣсколько книгъ на такомъ сотацкомъ нарѣчїи издано было въ Дебрецинѣ, Шарошъ-Патакѣ и пр. Нарѣчіе это принадлежитъ преимущественно Сотакамъ кальвинскаго исповѣданія. Другіе, исповѣдая православіе, говорятъ нарѣчіемъ болѣе смѣшаннымъ съ русскимъ. Смотри ниже.

частями; тѣмъ не менѣе самое названіе *Русинъ*, равносильное мадыарскому *szosz-ember* — русскій человекъ, одинаково народное и въ венгерской Руси и въ Руси галицкой, свидѣтельствуесть, что эти связи были: только въ-слѣдствіе ихъ народъ могъ усвоить себѣ имя, принадлежащее его соотчичамъ въ другихъ земляхъ.

О древнихъ судьбахъ Русиновъ за-карпатскихъ ни лѣтописи, ни преданія не сохранили никакихъ вѣрныхъ показаній. Нельзя сказать съ достовѣрностью, были ли они, всѣ ли вообще или частями, въ концѣ IX вѣка подданными князя кievскаго Олега и его современника князя моравскаго Святополка; нельзя опредѣлить, когда именно они принуждены были подчиниться власти Мадыаровъ, до паденія ли княжества Моравскаго въ 907 году или позже. Только русская вѣра ихъ свидѣтельствуесть, что они приняли христіанство не послѣ Мадыаровъ, не черезъ нихъ; а свидѣтельства объ учрежденіи епархій въ венгрія королемъ Стефаномъ дають знать, что Русины не были причислены ни къ одной изъ нихъ и слѣдовательно подчинены были особенной... Въ туманѣ остаются судьбы за-карпатскихъ Русиновъ не только до XIII вѣка, но и позже. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ ихъ сосѣдей отыскиваются только отрывочныя напоминанія объ ихъ краѣ и ничего о народѣ. Такъ есть свидѣтельство, что король венгерскій Андрей II въ 1213 году подарилъ рыцарямъ Тевтонскаго ордена землю Боржовскую (*Borzsa*) въ столицѣ Мармарошской; что въ XIII вѣкѣ на большой дорогѣ, извѣстной въ древности подъ названіемъ Угорскихъ воротъ, стояли уже города *Бардъёвъ* и *Прашовъ* (*Эперіесъ*): о первомъ изъ нихъ упоминають и наши лѣтописи (*Данѣилъ иде изъ Угоръ въ Ляхи на Бардуевъ и приде въ Судомиръ*, *Ипат. Л. 178*); что соль въ Мармароши добывалась во время короля Бела IV (ум. 1275), и т. п. Въ 1329 году король Карлъ I далъ привилегіи городамъ мармарошскимъ: *Вишкову*, *Хусту*, *Тячеву* и *Долгополю* (*Villae Martiatae: Visk, Huszth, Teczö, Hoszszumezö*), а король Людовикъ I, подтверждая грамоту Карла I въ 1352 году, причислилъ къ четыремъ городамъ и пятый—*Сиготъ* (*Sziget*). Въ это время многолюдны были селенія: *Тройчаны* (*Troicsan*), *Ружинъ* (*O-Ruzsin*), *Байровцы* (*Bajorgagas*) и нѣкоторыя другія. Напоминанія нашихъ лѣтописцевъ XIII и XIV вѣковъ объ уходахъ

князей и дружинъ за горы въ Угры не позволяютъ сомнѣваться, что въ эту смутную годину напора на Русь и Татаръ и Литвы Русины галицкіе, а можетъ быть и Воляняне, уходили за горы и тамъ селились между своими соотчичами. Объ этомъ переселеніи Русиновъ галицкихъ за Бескиды сохранились преданія въ народѣ, связанныя съ нѣкоторыми воспоминаніями и о самихъ Татарахъ. Съ народомъ переселялись и члены высшаго сословія, родовъ боярскихъ и княжескихъ. О томъ и другомъ намекаетъ преданіе, записанное Катоню (Hist. Cret. IX. 431), будто какой-то вельможа (графъ) Петръ Петровичъ, владѣтель берестянской (Borostyàn, въ Земненской столицѣ), предполагалъ овладѣть престоломъ венгерскимъ для какого-то русскаго князя, — но побѣжденъ былъ воеводою Давшомъ и утратилъ права на Берестяны и на всѣ свои владѣнія (1310). Около половины XIV вѣка являются въ Руси за-карпатской удѣльные князья рода русско-литовскаго. Одинъ изъ младшихъ сыновей Коріата-Михаила, князя новгородскаго и волковискаго, Феодоръ, прогнанъ былъ своимъ дядею Ольгердомъ изъ Подолья, ушелъ въ Венгрію и, какъ подданный короля венгерскаго, сталъ владѣть Мукачевымъ (Munkasz) и Унгваромъ съ ихъ округами (1359). На память отъ него остался между прочимъ монастырь на холмѣ Чешнекъ у Мукачева и крѣпость на горѣ въ полу-часѣ пути отъ города. Помнятъ также, что и супруга Феодора основала женскій монастырь близъ Мукачева, на противоположномъ берегу Латорицы (*). Какъ долго владѣлъ родъ Феодора этимъ удѣломъ и были ли другіе удѣльные князья русскіе за Карпатами — неизвѣстно; но нѣкоторые дворянскіе роды, владѣющіе въ за-карпатской Руси, хотя уже и переродившіеся въ Мадьяровъ, хвалятся еще происхожденіемъ отъ русскихъ князей, между прочимъ и отъ князя Феодора, храня у себя книгу *Notitiae fundationis Theodori Koriatovitit pro religiosis Ruthenis in monte Csesnek ad Munkasz*. Возстаніе Волоховъ подъ начальствомъ Дражка Богдана, въ концѣ XIV вѣка, и въ-слѣдъ за тѣмъ ихъ выселеніе къ берегамъ Молдавы и Берета, не могло остаться безъ послѣдствій для Русиновъ за-карпатскихъ; но каково было оно, объ этомъ лѣтописи молчатъ. Вѣроятно, въ-слѣдъ

(*) Narbuth. V. 62—63. Thille, das K. Ungarn. III. 99.

за выселеніемъ Волоховъ Русины стали занимать ихъ мѣста, гдѣ слѣды Волоховъ остались только въ названіяхъ мѣстностей: двѣ Брустуры, Барлабать, Мармарошь, Талаборъ, Тисора, Трибушены, Ледеспуль, Чевчинъ и т. п. Въ 1433 году владѣтелемъ значительной части въ за-карпатской Руси является Георгъ Бранковичъ, деспотъ сербскій: за уступку венграмъ Бѣлграда онъ получилъ между прочимъ и Мукачевъ, Реецъ, Сатмаръ и др. (*). Въ XVI — XVII вѣкѣ замѣчательна въ судьбахъ Русинновъ борьба императоровъ австрійскихъ съ могучей партіей Запольскихъ, Веселинскихъ, Текелей. Соединившись съ Турками и подкрѣпляемые ихъ помощію, эти гордые магнаты думали овладѣть Венгріей и успѣли присоединить къ Седьмиградской области весь сѣверо-восточный край королевства, подчинивъ его вмѣстѣ съ южными областями Венгрии власти турецкихъ султановъ. Позорищемъ войны были между прочимъ и побережья Тисы, окрестности Мукачева, Хуста, Сатмара и пр. Дружины Турковъ, Мадьяровъ, Волоховъ, Нѣмцевъ сновали по селамъ русинскимъ и, безъ сомнѣнія, опустошали ихъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не свержено было иго турецкое. Къ этому времени относится образованіе вольныхъ дружинъ Гуцульскихъ, потомство которыхъ и до сихъ поръ носитъ въ Мармароши названіе Гуцуловъ, не зная, что гуцуль значитъ разбойникъ. Эти вольныя дружины, въ родѣ нашихъ казацкихъ дружинъ, только не такъ правильно образованныя, вызваны были изъ семей необходимости защищать родной край отъ пришлыхъ враговъ, и въ свое время страшны были своими топориками, подъ начальствомъ своихъ батей-батюшекъ, какъ назывались ихъ старѣйшины. Позже онѣ ушли выше въ горы, промышляя разбоемъ, и наконецъ разсѣялись между народомъ, такъ что теперь имя гуцула, какъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Малороссіи имя казака, носитъ всякій молодецъ, да и всѣ жители восточнаго погорья Бескидовъ не отказываются отъ имени гуцуловъ, даже гордятся имъ какъ почетнымъ титуломъ. — Въ концѣ XVII вѣка въ Угорскую Русь, вліяніемъ архимандрита трапезундскаго Исаяи и епископа Юсіафа Камильскаго, введена была унія: Юсіафъ возведенъ былъ въ санъ епископа

(*) Энгель. Geschichte von Servien. 379.

мукачевскаго и всей Руси Угорской и утвердилъ союзъ съ Римомъ. Съ этого времени мадьярское дворянство сдѣлалось преобладающимъ въ краю Русиновъ и остается до сихъ поръ.

Русины составляютъ почти исключительно только массу простаго народа. Часть класса промышленнаго въ городахъ и духовенство остаются вѣрными языку и народности своихъ предковъ,—но не могутъ замѣнить погибшіе роды дворянства. Есть, правда, и между Русинами свои *нямешы*—шляхтичи; но это — тѣ же селяне по всему: и по правамъ, и по быту, и по образованности. Господствующее населеніе городовъ и городскихъ выселковъ на большой дорогѣ — не-русское, такъ что пожалуй и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ краяхъ западно-славянскихъ, путешественникъ, ѣдущій скоро по большой дорогѣ и не присматривающійся къ селянамъ, можетъ не видѣть Русскихъ и счесть весь край русскимъ только по преданію.

Innumeros equidem, verum sub nocte jacentes
Atque sepultos tristi paupertate Ruthenos.

А между тѣмъ Русины остаются чѣмъ были въ своемъ мирномъ семейномъ быту, со своими земледѣльческими привычками, обрабатываютъ склоны горъ и долины подъ нивы, сѣнокосы, сады и огороды, пасутъ скотъ на вершинахъ горъ, выдѣлываютъ сыры, добываютъ соль, готовятъ лѣсные сплавы, тѣшатъ себя охотой за волками, лисицами, медвѣдями въ своихъ чащахъ, ведутъ всѣ свои промыслы безъ помощи фабрикъ и мануфактуръ и съ стариною быта и обычаевъ сохраняютъ и старину нравовъ, понятій, повѣрій, преданій и воспоминаній.

§ II.

НАРЪЧІЕ.

Нарѣчіе угорское, хотя и остается почти совершенно понятнымъ для всякаго Южно-Русса, изъ какого бы отдаленнаго края ни зашелъ онъ сюда, не можетъ не поразить также каждаго изъ нихъ нѣкоторыми особенностями не только въ выговорѣ и въ употребленіи грамматическихъ формъ, но и

въ составѣ языка, словами неизвѣстными въ другихъ мѣстахъ Руси.

Обращая вниманіе на выговоръ, наблюдатель замѣчаетъ :

Употребленіе правильное глухихъ гласныхъ: *ѡ* и *ѣ*, при ихъ соединеніи съ *р*: *дрѡва*, *крѡтовина*, *крѡтица*, *крѡзавый*, *тѡргъ*, *брѡдавка*, — *врѣхъ*, *трѡвати*, *рѣчу*, *рѣчете*, *хрѣстити*, *выхрѣста*, *водохрѣща*. Попадаются случаи употребленія глухихъ звуковъ и при ихъ сліяніи съ другими согласными: *тепѣръ*, *лѣнь*, *пѣнь*.

Иногда же мѣсто глухаго звука заступало *и*, не смягчающее согласной: *лижка*, *блиха*, *гиртанка*, *брива*, *дрива*, *хрибетъ*, *кирница*, *яблικο*, *крѡвь* — въ род.: *кирве*, *дижджъ*. Вмѣсто *и* выговаривается и совершенно широкое *ы*.

Звукъ *ы* встрѣчается и не въ однихъ этихъ случаяхъ, а во многихъ другихъ, тамъ, гдѣ его уже нѣтъ въ остальныхъ говорахъ южно-русскихъ. Такъ постоянно слышится этотъ звукъ послѣ гортанныхъ *ѡ*, *к*, *ж*, какъ это было въ языкѣ древнемъ: *гыну*, *доугый*, *благый*, *кыдати*, *усякый*, *жидовьскый*, *хыжа*, *хыжій*, *глухый*, *сохы*, *сынъ*, *языкъ*, *густый*, *малый*, *юстрый* и пр. Остается *ы* и въ вспомогательномъ глаголѣ *быти*, *бывати*, если онъ не сложенъ съ предлогомъ, а тогда мѣсто *ы* заступаетъ *у*: *забути*, *забувъ*, *добуль*.

Употребленіе *и*, не смягчающаго предъидущей согласной, остается въ своей силѣ и распространяется на тѣ случаи, когда въ звукъ *и* переходитъ другая гласная: *димъ*, *лій*, *силъ*, *винъ*, — такъ, впрочемъ, что послѣ гортанныхъ вмѣсто *и* выговаривается *ы*: *гыркый*, *кырка* (вмѣсто: *горькій*, *корка*).

То же *и* удерживается въ тѣхъ односложныхъ глаголахъ, гдѣ оно оканчиваетъ корень: *бити* — *бию*, *биѣшь*, *биѣ*; *лити* — *лию*, *лиѣшь*, *лиѣ*, и т. п., и между тѣмъ опускается въ окончаніяхъ повелительнаго наклоненія: *беръ*, *берьме*, *берьте*; *ходъ*, *ходьме*, *ходьте*; *возъ*, *возьме*, *возьте*.

Вмѣстѣ съ этимъ сохраняется болѣе правильное употребленіе *ь*, выговариваемаго, впрочемъ, постоянно какъ *ѣ*, предполагающее передъ собою смягченіе согласной: *дѣтина*, *сѣдѣти*, *сѣрота*, (нарѣчія:) *добрѣй*, *злѣй*, *чорнѣй*, — хотя, впрочемъ, и оно иногда опускается: *засѣано* вм. *засѣјано*.

Къ числу остатковъ древности можно отнести употребленіе *ѡ* вмѣсто *о* въ началѣ словъ: *једнѣ*, *једна*, *једно*; *ря-*

домъ съ этимъ, однако, употребляется *e* вмѣсто *o* и тамъ, гдѣ первоначально былъ глухой звукъ *z*: *пидешва*, *викенце* и т. п.

Число случаевъ употребленія *o* уменьшено и оттого, что въ нѣкоторыхъ *o* не выговаривается: *хчу*, *хчѣшь*, *хче* вмѣсто *хочю* и пр.

Остаткомъ старины надобно, безъ сомнѣнiя, назвать удержанiе *ра*, *ла* вмѣсто *оро*, *оло* въ нѣкоторыхъ словахъ: *голова* и *глава*, *дорогый* и *драгый*, *золотый* и *златый*; а рядомъ съ этимъ одно *a* вмѣсто двухъ *o* слышно и въ словѣ *гварити-говорити*.

Сообразно тому, какъ *t* смягчается въ *ти(ч)*, и *д* смягчается въ *дж*: *медже*, *чюджій*, *родженьея*, *ходжю*, *раджю*.

Смягченiе губныхъ буквъ не требуетъ вставки *л'* и *н'*, употребляя вмѣсто нихъ звукъ *j*: *здоровья*, *любю*, *робю*, *спю*, *спягъ*, *павьяный*, *памьять*, *веремья*.

Согласныя *ж*, *ч*, *ш*, *щ* выговариваются мягко, какъ было въ древности: *жаль*, *чясть*, *нашь*, *нашье*, *нашю*, *шяновати*, *щястья*, такъ же, какъ въ остальныхъ говорахъ и *з*, *ц*, *с*, тамъ, гдѣ это было въ языкѣ древнемъ: *сю*, *пшениця*, *пърниця* и пр.

Согласное мягкое *н'* замѣняется посредствомъ *j*: *бѣлейкый*, *чорнейкый*, *дѣвојка*, *хатојка*, *вечерејка*.

То же пристрастiе къ нѣжному звуку *j* выражается и въ употребленiи его въ началѣ словъ, какъ придыханiе: *юстрый*, *ювесь*, *юрати*, *юсика*; но вмѣстѣ съ этимъ *j*, какъ придыханiе, общепотребительное у всѣхъ славянъ при соединенiи двухъ гласныхъ, опускается: *чуу*, *моа*, *моу*.

Въ грамматическихъ формахъ замѣчательны слѣдующiе случаи:

Творительный падежъ един. женскаго рода на *овь-евь* или *овъ-евъ*: *руковь*, *водовь*, *душевь*, *моевь*.

Именительный падежъ множественнаго числа не предполагаетъ въ мужескомъ родѣ смягченiя: *волы*, *гуцулы*, *чорны*, *бѣлы*.

Дательный падежъ множественнаго муж. и сред. рода на *имъ* (*ымъ*, *ймъ*) вмѣсто *омъ*, какъ было въ древности: *волимъ*, *воложымъ*, *хлопцѣмъ*.

Настоящее время изъявительнаго, гдѣ къ гласной дол-

жна бы прибавиться еще гласная, спрягается такъ: спивау, спивашь, спивать, спиваме, спивате, спивауть. Въ другихъ случаяхъ: несу, несешь, несеть, несеме, несете, несутъ; хожу, ходишь, ходитъ, ходиме, ходите, ходють.

Прошедше: бывъ jemъ, бывъ jесъ, бывъ, была jemъ, была jесъ, была; были сме, были сте, были; спивавъ jemъ, спивала jemъ и пр.

Повелительное: будь, будьме, будьте; спивай, спивајме, спивајте.

Обозначивъ главныя особенности нарѣчія, мною лично замѣченныя у угорскихъ Русиновъ, я позволяю себѣ не входить теперь, въ этомъ пробномъ очеркѣ, въ подробности отличій мѣстныхъ, которыя, впрочемъ, выкажутся сами собою въ отрывкахъ изъ пѣсенъ и въ пословицахъ, приводимыхъ мною ниже. Я замѣчу здѣсь только то, что нарѣчіе угорскихъ Русиновъ не вездѣ сохранило свой чисто-русскій характеръ, что на юго-востокѣ оно смѣшалось съ волошскимъ, на югѣ съ мадьярскимъ, на западѣ — что для насъ всего любопытнѣе — съ словацкимъ и съ польскимъ. Сліяніе русскаго нарѣчія съ словацкимъ и польскимъ не ограничилось заимствованіемъ словъ, какъ это случилось съ волошскимъ и мадьярскимъ, а обозначилось на всемъ его строѣ, особенно въ отношеніи къ выговору и употребленію звуковъ. Образцы этого вліянія представляются также въ числѣ памятниковъ народной словесности.

§ III.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Со своеобразнымъ развитіемъ нарѣчія у Русиновъ угорскихъ соединилось, какъ и вездѣ, своеобразное развитіе народной словесности. Эта связь внѣшняя уравнивается ли съ связью внутреннею, т. е. на столько ли и въ словесности, какъ въ нарѣчій, сохранилось остатковъ отъ отдаленной старины, на столько ли и въ ней, какъ въ нарѣчій, отпечатлѣлось вліяніе чужеземщины, это покажетъ остается неизвѣданнымъ. Вѣрно только то, что древнее достоинство выраженія — достоинство выбора оборотовъ и словъ, и уравнишеніе мысли съ ея фор-

мой — въ прозаической фразѣ и въ стихѣ уже тускнеть, что оно уже не признается необходимою и тѣми расказщиками старинныхъ эпическихъ преданій, которые собираютъ во-кругъ себя гурьбу молодежи, въ полѣ и дома слушать свои *казки*, и этой молодежи, когда она тоже гурьбою или поодиночкѣ, въ полѣ и дома напѣваетъ свои пѣсни, и отчасти всѣми, когда обрядъ или частный случай вызываетъ слово къ соучастію въ жизни народной — торжественнымъ ли привѣтомъ, или скорбнымъ причитаньемъ, или пѣснію, или присказкой, или пословицей и поговоркой. Слогъ прозы и поэзіи утратилъ уже кое-что изъ первообраза своего величія и простоты, фраза — свою законченность, стихъ — свою правильность мѣры и соотвѣтствіе съ мыслию и съ музыкой.

Предполагая, что это будетъ очевидно изъ отрывковъ, которые приведены послѣ, я не стану здѣсь представлять особенныхъ примѣровъ, а остановлюсь нѣсколько на обзорѣннѣ разныхъ родовъ народной словесности Русиновъ за-карпатскихъ.

1) *Преданія старины и сказки*, на сколько могу судить о нихъ по тѣмъ немногимъ, которыя удалось мнѣ слышать и читать, касаются или мифическаго міра русалокъ, упырей, летавицъ и т. п., и его отношеній къ міру дѣйствительному, или войнъ съ Татарами и Турками, ихъ впаденій въ Русь, опустошеній и т. п., что все относится народомъ къ древности безвременной, или враждебныхъ отношеній къ Мадыарамъ и Волохамъ, и разныхъ дѣлишекъ Жидовъ и Цыганъ, подъ именемъ которыхъ Русины разумѣютъ и другихъ иностранцевъ, заходившихъ и заходящихъ къ нимъ поодиночкѣ для разныхъ промысловъ, или наконецъ дѣлъ гуцуловъ, подвиговъ ихъ отваги и хитрости, великодушія и жестокости, славолюбія и себялюбія. Изъ нихъ только разказы о гуцулахъ, одушевляя расказчиковъ сочувствіемъ къ этимъ любимымъ героямъ старины народной, исполняются съ тѣмъ достоинствомъ, которое можетъ напомнить о древнихъ красотахъ народной эпопеи Русиновъ.

II. *Пѣсни* Русиновъ за-карпатскихъ, не отличаясь отъ другихъ южно-русскихъ пѣсенъ общимъ характеромъ изложенія и метромъ стиха, представляютъ, впрочемъ, нѣкоторыя любопытныя особенности.

Болѣе всѣхъ другихъ бросается въ глаза ихъ короткость. Тѣхъ большихъ пѣснопѣній, которыя еще можно слышать и въ Малороссіи отъ отживающихъ бандуристовъ и слѣпцовъ, и на Дону и Уралѣ—отъ стариковъ-казаковъ, и на Волгѣ—отъ бурлаковъ, и на Бѣломъ морѣ—отъ промышленниковъ,—тѣхъ пѣснопѣній, въ которыхъ древность полумифическая или старина, еще не забытая памятью народа, выражается полными картинами, у Русиновъ за-карпатскихъ уже нѣтъ, сколько знаю, совершенно. Напротивъ того, болѣшая часть ихъ пѣсенъ народныхъ — не пѣсни, а пѣсенки, много много по два или по три куплета, или, какъ тамъ выражаются, *натяга*, или *устяга*, а самыя любимыя—по одному. Въ этомъ отношеніи Русиновъ за-карпатскихъ можно сравнить съ Мазурами, Краковяками. Только въ пѣсняхъ обрядныхъ Русинъ за-карпатскій остается при прежнемъ обычаѣ повторять музыкальный напѣвъ разъ по десяти, пятнадцати и болѣе. При такомъ пристрастіи народа къ пѣсенкамъ, эпическая поэзія, очевидно, должна была слать свое мѣсто лирической, и зѣмершій духъ ея тѣлѣтъ еще, какъ подъ пепломъ, въ отрывочныхъ возгласахъ о старинѣ, еще не совсѣмъ отжившей, и не угасъ еще совершенно только потому, что есть еще воспоминанія о прошломъ. Пѣвцы этихъ возгласовъ о старинѣ — горныя пастухи. На полонинахъ Верховины и Краины еще слышны онѣ, какъ пѣсни любимыя, — но уже любимыя все менѣе. Жаль еще пастуху разставаться съ ними, но онъ уже чувствуетъ, что приходитъ пора, и погребаетъ ихъ. Вотъ пѣсня, въ которой описывается это погребеніе пѣсенъ старины :

Пишли вивцы въ полонину сами биленькыи,
А за ними вивчярики, сами старенькыи.
А чому вы, вивчярики, та не спивате,
А де свои спиваночки, та подивате?
Ой мы свои спиваночки подиваме,
Въ полонини, якъ въ чужини, поховаме.
Въ полонини, якъ наниви, посіеме, посіеме.
Черноу земюю, сухоу травку покрывеме, покрывеме.
Ой посіеме спиваночки довчими путями,
Ой будеме ихъ обливати гырькими слѣзами.
А муть туды вивчярики з вивцями ходити,
Будуть наши спиваночки квитками сходити.

Муть за нами вивчарики та овечки пасти,
Будуть наши спиваночки за вресанку кіасті. (*)

Эта пѣсня о пѣсняхъ — одна изъ самыхъ большихъ, а тѣ эпические возгласы, о которыхъ было упомянуто, всѣ менѣе или болѣе такой формы и величины, какъ слѣдующіе образцы ихъ, взятые на-удачу:

I.

За гукою високою мисячокъ стенився.
Ишовъ Дѣбоща та зъ топирцемъ, нудно исклився.
Ой Дѣбощу, ой Дѣбощу, чому ты схлився,
Ци не чуешь пудъ Деренью, югашъ запузвився!
Иди Дѣбощу, до югаша, най на тебе згляне,
Най на тебе вучми згляне, та доловъ полагне.

II.

На Брустини загремило, на ясини блисло:
Бодай тебе, татарчуку, по пудъ сердце стисло.

III.

Ай ке бымъ знавъ, ожь погыну,
Запаливъ бымъ всю Краину:
Най вуть свого лучче згыне,
Чимъ вуть злого татарина.

IV.

Якъ ся вернувъ, якъ ся вернувъ
Плинтва до господы,
Ажь Плинтвиха, до зла лиха,
Не зна вже породы;
А Плинтвята небожята,
Што те сухе листје:
Порозвіяло ихъ витромъ,
Позанесло въ вистје.
Ставъ же Плинтва по пудъ хатоу,
Ковика пускае,
На дви полы, на чотыри,
Шабевку ламае...

(*) Нѣсколько иначе въ *Časopisu Č. Mus.* 1839. Стр. 48.

V.

Въ Мукачевскомъ замку
Знавъ jemъ Марианку.
Я ю добре знавъ.
Кедь ю съ рукъ выпущу,
Геть отити мушу.
Потішь ты Богъ съ неба,
Ожь прочь иду отъ теба,
До поля, на Турка,
Отъ Турка на Брандербурка.
Буду воевати
И кровь проливати
За васъ, дівчата.

Вотъ что осталось на память отъ старины, на сожалѣніе о
прежнихъ расподіяхъ.

Пѣсни лирическія удобнѣе могли сковаться въ тѣсныя рам-
ки двустипшія и четверостипшія, не споря съ неохотой народ-
ной повторять много разъ одинъ и тотъ же напѣвъ, съ лю-
бовью мѣнять напѣвы одинъ на другой, какъ можно чаще.
Безконечное множество пѣсенъ — безконечное множество на-
пѣвовъ, раздолье для развитія музыкальнаго чувства народа;
и это чувство въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не развито въ такой
степени между южно-русскимъ народомъ, какъ тамъ, въ
горахъ Бескидскихъ, гдѣ его дѣлаетъ эхо утесовъ и лѣсовъ,
гдѣ ни одно счастливое созвучіе не замретъ неуслышанное,
хотя бы и не было желанія заставить его слушать, гдѣ поэту
съ голосомъ легче сдѣлаться простымъ пѣвцомъ, чѣмъ пѣвцу
безъ голоса—поэтомъ. А вѣдь тѣ рапсодіи, эпопеи въ 500 и бо-
лѣе стиховъ, которыя напѣваютъ и у насъ, на Русси, какъ и въ
Сербіи, въ Шотландіи, какъ и на берегахъ Гвадалквивира, оди-
наково наскучаютъ однообразіемъ своихъ напѣвовъ. Чтобы
дать хоть какое нибудь понятіе о лирическихъ пѣсняхъ рус-
скихъ горянь, привожу нѣсколько спиванокъ:

I.

Ой кобы мѣ я така красна, якъ та зоря ясна,
Святила бы мѣ на все поле, николи не згасла.
— Ой кобы съ ты была красна, якъ ясна зоренька,
Не свитила бы съ, якъ сонце, у мое серденько.

II.

Ой дуду , дуду , дуду !
И я иду до дому.
Каждый иль своёму ,
Земь я не маю дь кому.

III.

Ей лають ме, лають, ежь я ходзу за ню :
Болить мое сердце, кель попатру на ню.

IV.

Шла дивчино лясомъ , заплакала гласомъ :
Плачу часомъ зъ лясомъ , сама зъ собовъ часомъ.

V.

Ей жала я жала, уризала я ся ,
Уризала сердце за мого Ивася.

VI.

Бодай тебе , муй миленькый , стулько разъ кололо ,
Кулько разы твое личко было коло мого.

VII.

Мои овпи яловы ,
Даюць млика, якъ воды.
Ей хто жь ми ихъ подовиць ,
Кедзь я мушу отсадзь приць ,
Кедзь ми серденько болиць :
Пуйду я ся утопиць.

Очень естественно, что такія коротенькія пѣсни, тѣша горное эхо разнообразіемъ напѣвовъ , легко дѣлаются и принадлежностью плясокъ. Поются онѣ, какъ шалалайки, коломейки, вертянки, какъ плясовыя, каждымъ плясуномъ отдѣльно, такъ что тотъ и плясунъ лучше, который умѣетъ придумать болѣе хорошенькихъ пѣсенъ, — хорошенькихъ болѣе по напѣву, чѣмъ по содержанію.

Только пѣсни обрядныя отличаются характеромъ содержанія ; въ нихъ болѣе старины, болѣе фантазіи образовъ и выраженій. Впрочемъ, бѣольшая часть тѣхъ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось узнать, знакомы мнѣ и изъ другихъ мѣстъ. Объ

обрядныхъ пѣсняхъ горячъ можно замѣтить, что въ число ихъ включены и тѣ, которыя въ другихъ мѣстахъ не составляютъ принадлежности обряда. Поэтому въ числѣ колядокъ поется и слѣдующая пѣсня :

Въ недилю рано мати сына лала ,
Мати сына лала, та проклинала.
Мати сына лала , зъ дому выганяла ,
« Иди, сыну, зъ домова, абы мѣ ты незнала. »
Казавъ братъ старій сестри хлиба напечи,
А середушшій коня вывести,
А наймолодшій коня осидлати.
Найстарья сестра хлиба напекла,
А середушша коня вывела,
А наймолодша коня осидлала ,
Коня осидлала, тай ся звидовала :
Колижь, братцю, въ васъ гостейкомъ будешь
Возьми, сестрице, бильй каминець,
Бильй каминець, легкое перо,
И пусти ты ихъ увъ тихый Дунай ;
Кедь бильй каминець на верхъ сплыне,
А легке перо на спидъ упале,
Втоды въ васъ , сестрици , братъ вамъ буде.
Коли сонейко на зипакъ зойде,
А мисяць ясный знеба спале,
Втоды въ васъ , сестрици , братъ вамъ буде.
Навернувъ конемъ отъ схода соньце
И поихавъ си у темный лисочокъ.
Выихавъ овинъ у чистое поле.
Ставъ му коничокъ бильымъ каминьцемъ,
Винъ молодеивый зеленымъ яворомъ.
Ой стала мати за сыномъ плакати,
И пишла она јого выглядати.
Выйшла она си въ чистейке поле,
Въ чистейке поле, въ болоничейко.
Тай ставъ јей дождикъ кропити
Стала она си на бильй каминь,
На бильй каминь, пидъ зеленъ явиръ.
Ей стали јей мушки кусати,
А стала она галузки ломати.
Прорикъ яворецъ до неи словце :
Эй мати, моя мати, мене съ прокляла.

Не дала есь ми въ сели кмечати,
Ищи ми не дашь въ полѣ стояти.
Билый каминець мій сивый коничокъ,
Зелене листьа моее одинья,
Дрибни прутики мои пальчики.
А мати јего ся розжаловала,
Тай на порохъ ся розсіяла.

Подобныхъ пѣсенъ между колядками, щедровками, гаилками, купальницами, веснянками и яснянками очень много. Невольно подумаешь, что не безъ важной же причины поэзія народная, отдѣлившись отъ жизни, скрылась въ обрядъ и бережется тамъ, какъ бережется древность въ музеѣ—цѣлая, но не живая, не пробуждающая ничего кромѣ воспоминаній.

Почти то же можно сказать не только о причитаньяхъ надъ мертвыми, но и о пѣсняхъ заздравныхъ.

III. *Пословицы* у за-карпатскихъ Русиновъ бѣльшею частію тѣ же, что и у другихъ Русскихъ; есть много и обще-славянскихъ и обще-европейскихъ. Къ этому роду отнесены могутъ быть и слѣдующія:

Душа спати не ходитъ.

Кто до тебе зъ каменемъ, ты до его съ колачемъ.

Звоны ся хвалятъ по голосу, люди по бесѣдѣ.

За доброу хвилѣу злу ждай.

Якій панъ, такій му крамъ.

Спомози сироти, укопле ти очи.

Убогого и галузя тягне.

Прибери пня, дай му имя, буде человекъ.

Лѣнивый двичи ходитъ, скупый двичи платитъ.

Бѣда человека найде, хоть и солнце зайде, и пр.

Въ числѣ этихъ пословицъ есть и — До Бога далѣко, до Царя — высоко.

Пословицъ мѣстныхъ, сколько могу судить, немного,— по крайней мѣрѣ такихъ, которыя успѣли стать въ общемъ ходу. Вотъ нѣсколько ихъ, заслуживающихъ вниманіе, какъ свидѣтельства взгляда Русиновъ на ихъ сосѣдей, вольныхъ и невольныхъ, и на самихъ себя:

Жидъ и молячи учитъ ся обманути.

Жидъ та ще жидъ, та жиденя, та Волоське щеня,— такъ и ярмарокъ.

Душа та жидь спати не ходять.

Волохъ у два роты: једнымъ исть, другимъ бреше.

Волоху дай: най, а винь скаже: ищи.

Бида зъ бидоу ходить, а Мадьяръ самъ по соби.

Прочто Цыганъ клеши держить.

У Цыгана три души: једна у руци, друга у нози, третья по передь јего бижить.

Цыганъ розмивное правду на брехню, та зъ того и самъ сытъ и дитей кормить.

О себѣ самомъ и своихъ Русинъ говоритъ:

Зъ горы далеко, на гору высоко; лучше ниякъ.

Жинка плаче, дити плачуть, самъ плачешь, а луччого не глядаешь.

У мене симья, то једна; а у жинки симья, то друга; а у дитокъ, то третья; а вси три въ једній комирци једноу лыжку подать.

Гуцульскый джепѣякъ сито: прійду много, выйду нить, и пр.

IV. *Базурки*, маленькіе анекдоты, составляютъ четвертый отдѣлъ произведеній народной словесности Русиновъ закарпатскихъ, богатый, но менѣе всѣхъ другихъ доступный для иноземцевъ и вообще для всѣхъ, кого Русинъ не считаетъ своимъ. Привожу одинъ, можетъ быть, болѣе другихъ понятный:

Пытаје ся Словакъ Руснака: — чи ты не находивъ кобелю, въ ктерей боло полскаката, у калундюхи забарюха, плескатъ извязаными трѣскагомъ? — А Руснакъ: — я, брате, найшовъ једну таистру, бывъ во неи печеный заяць, у кулати зорівка, богачъ извязаными батугомъ. — Такъ Словакъ и кажетъ: — то не наша. — А Руснакъ же ся вклонивъ, та й бывъ зъ отимъ.

§ IV.

письменность.

О письменности Угорской Руси можно сказать слишкомъ мало, и лучшее изъ этого малаго — надежда на будущее. Успѣхи письменности возможны только при успѣхахъ просвѣщенія, и притомъ просвѣщенія народнаго; а здѣсь для него

не было и нѣтъ почти никакихъ вспомогательныхъ средствъ, ни даже, можетъ быть, желанія найти ихъ. Все ограничивалось самымъ необходимымъ; даже и это необходимое сжималось сколько возможно болѣе. Одна изъ первыхъ школъ заведена была здѣсь въ монастырѣ Мукачевскомъ, въ XIV вѣкѣ, и имѣла въ виду приготовленіе священниковъ, но, безъ сомнѣнія, была не лучше школъ своего времени въ другихъ мѣстахъ Руси, требуя отъ учениковъ всего болѣе умѣнья читать и писать. Дѣятельность письменная не могла не ограничиваться переписью книгъ: кое-гдѣ и осталось еще нѣсколько рукописей. Въ томъ числѣ во Львовѣ хранится жизнеописаніе св. Кирилла, писанное, судя по признакамъ нарѣчія, Русинномъ за-карпатскимъ.

Въ-слѣдъ за утвержденіемъ уніи заведены были школы въ главнѣйшихъ городахъ, съ бѣльшими претензіями на освѣщеніе народа свѣтомъ науки; но въ этихъ школахъ лучи просвѣщенія пропускались въ головы любознательныхъ Русиновъ сквозь языкъ латинскій. Къ нему старались ихъ приучать, заставляли на немъ говорить и писать, находя въ этомъ средство сблизить новыхъ уніатовъ съ церковью римской; а на языкѣ, понятномъ для народа, издавали только катехизисъ въ 1692, 1707 и 1717 (въ Тернавѣ). Тотъ же языкъ латинскій господствовалъ и въ администраціи и во всемъ высшемъ кругу: тѣмъ болѣе ревности могло быть у Русиновъ изучать его, не думая о своемъ, народномъ. Такъ было въ XVII—XVIII вѣкѣ; такъ остается и теперь, съ тою только разницею, что латинскій языкъ остался въ училищахъ и между духовенствомъ, а въ обществѣ мѣсто его заступили языки мадярскій и нѣмецкій, и что прежде въ обществѣ можно еще было отговариваться порусски незнаніемъ латинскаго, теперь же не знать по-мадярски и по-нѣмецки челоуѣку, не считающему себя мужикомъ, стыдно и постыдно. Любовь къ языку народному поддерживается одною церковью, гдѣ служеніе совершается на славянскомъ, а поученія говорятся на славяно-русинскомъ. Безъ сомнѣнія, не безъ вліянія остается и духъ времени; сочувствіе къ народности проникаетъ и сюда. Оно есть и въ богословіи, и въ лицѣ Унгварскомъ, и въ семинаріяхъ Пряшовской, Сатмарской, Пештянской и Вѣнской; оно есть и въ мѣстномъ ду-

ховенствѣ и въ послѣднее время развивалось у Русиновъ на-
ровнѣ съ Мадырами, Словаками и Волохами.

Изъ числа любителей народности, ревнителей народной
образованности и народнаго языка стараго времени памятливы:
епископъ бачинскій, Алексѣй Ильковичъ, Иоаннъ Пастель,
епископъ Григорій Тарковичъ, Михайлъ Табаковичъ, Иоаннъ
Кутка, епископъ Алексѣй Почи, профессоръ М. Черскій (*).
Первые четыре оставили по себѣ добрую память за краснорѣ-
чивыя проповѣди; послѣдніе два — за свои старанія ввести
преподаваніе педагогій на языкѣ народномъ, славяно-руси-
скомъ. Епископъ Почи исходатайствовалъ въ 1821 году позво-
леніе открыть эту кафедру педагогій, а Черскій, прежде уже
прославившійся краснорѣчіемъ проповѣдника, былъ первымъ
исполнителемъ этой счастливой мысли. І. Кутка заслужилъ
благодарность за изданіе катехизиса (1801—1815). Между
проповѣдниками послѣдняго времени наиболѣе отличились:
Стефанъ Андруховичъ, Иоаннъ Чурговичъ и Михайлъ Лучкай.

Проповѣди послѣдняго изъ нихъ изданы подъ заглавіемъ:
Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поученіе народное.
ВЪудинѣ, 1831, 2 тома.

Всѣ эти проповѣдники старались быть полезными народу,
но не чувствовали, однако, возможности поучать его на чи-
стомъ родномъ его языкѣ, а мѣшали его съ славянскимъ,
церковнымъ и нашимъ литературнымъ. Причина этого выска-
зана М. Лучкаемъ въ предисловіи къ его Бесѣдамъ.

Глядалъ есмь матеріи избранны и полезны, и усиловалъ
есмь ся предложить разумѣтельно. Языкъ со всѣмъ прѣстѣмъ
протѣ не употребляхъ, ибо на высѣкія поятія вѣры и моралы
недостатѣчный естѣ; нѣстѣ бо возмѣжно прѣстѣму челоувѣку
поятія и слѣва имѣти токѣмо наукою и читаніемъ прѣобрѣтаема,
природныя же поятія философи недопушѣаютъ. Стилъ же библи-
ческій не легко поразумѣвается. Среднимъ путѣмъ безопаснѣйше
ити мнѣ видѣлося. Чтѣ по руски изрѣдно выражѣается, а чтѣ
изъ библическаго лѣгко разумѣется употреблѣти смѣггалъ есмь
ся. Самъ бо народъ рускій со всѣмъ прѣстѣмъ языкѣмъ въ церкви не
любитѣ, но тѣшитѣся среднимъ.

Чтѣ это за средній языкъ, котораго думалъ держатѣся

(*) *M. Lusskay. Gram. Ruth. Bud. 1831, стр. IX—XI.*

проповѣдникъ, можно видѣть изъ самыхъ небольшихъ отрывковъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ, на-удачу взятыхъ:

«Людіе не рада языкъ свой за зубами держати; но свѣободно его пуцають и бесѣдуютъ непрестанно, а много разъ и тотъ бесѣдуютъ, что сердце ихъ неправдою признаваѣтъ. Аще сицеваа бесѣда съ намѣреніемъ другаго престѣити творѣтся, лжею называется. Нѣкоторыи кажутъ, что лжа есть инако бесѣдовати, инако мыслити, или неправду предлагати за правду. Но много разъ человекъ инако бесѣдуетъ, якъ мыслитъ; на прикладъ жартуетъ, или казку кажетъ, ищѣ прѣто не есть лживый; или неправду бесѣдуетъ, на прикладъ: что не добрѣ чѣлъ, и читалъ или научилъ, сіе ни единое не есть лжа. А много разъ саму правду бесѣдующе житѣ: егда думаетъ, что то неправда, ищѣ бесѣдуетъ, чтобы сѣмъ способомъ обманулъ другѣихъ или кто добрѣ знаѣтъ, что ему не бѣдетъ вѣрити, но прѣтѣвное за правду держати, ищѣ онъ правду бесѣдуетъ, чтобы другѣй прѣтѣвное прѣйваше престѣился.»

«Единъ прѣдъ другѣмъ сокровище избираѣтъ, другаго укламати добѣткомъ держитѣ, тѣкмо чтобы свое умножити имѣніе, тѣлу угождати, различными одѣждами украшѣвати, бѣльше измыгаѣтся нежели дѣшу добродѣтелями украсити. Нечаянно приходѣтъ смѣрть, и всему конецъ. Тѣло которѣе чѣстилося, кохалося, краснѣ одѣвалося — помрѣтъ, застынетъ, схнетъ, жабамъ, червакомъ и гадомъ служѣтъ во снѣденіе; а дѣша небѣга про сіе погнилое тѣло навѣки мучѣтѣсь должнствуетъ.»

Искусственность этого языка, хотя и привычная для духовенства русинскаго, какъ и прежде, такъ и теперъ не могла и не можетъ не вводить малоопытныхъ проповѣдниковъ въ чашу затрудненій. Неприличіе выраженій такъ возможно и легко, и вмѣстѣ такъ непрѣстительно и неумѣстно, что надъ подборомъ оборотовъ, формъ и выраженій годныхъ проповѣдникъ, не окрѣпшій въ искусствѣ управлять имъ, проводить должнѣ времени гораздо больше, чѣмъ надъ приведеніемъ въ порядокъ мыслей и знаній. Желая помочь имъ, почтенный Лучкай предпринялъ составить грамматику и словарь. Грамматика уже издана двадцать тому лѣтъ назадъ: *Grammatica slavo-ruthena, seu vetero-slavicae et actu in montibus carpathicis parvo-russiene, seu dialecti vigentis linguae*. Budaе. 1830. Грамматика вмѣстѣ и

славянская и русская, гдѣ оба нарѣчія смѣшаны въ той мѣрѣ, какъ это кажется удобнымъ для ученыхъ Русиновъ.

Словарь *Lexicon Latino-Ruthenum* состоитъ изъ перевода латинскихъ словъ языка библейскаго и церковнаго тѣми словами народными русинскими, которыя могутъ быть годны для слога поученій, а пробѣлы дополнены изъ языка старославянскаго и русскаго литературнаго. Онъ еще не изданъ, и тѣмъ не менѣе становится все бѣльшею необходимостью, по мѣрѣ того, какъ молодые члены духовенства русинскаго отстаютъ понемногу отъ языка народнаго, въ-слѣдствіе вліянія ученія и многоязычнаго образованія, и, чувствуя это, стараются поддержать въ себѣ наукой ими утраченное умѣнье владѣть языкомъ родины.

Были попытки писать и языкомъ болѣе народнымъ даже для народа. Нѣсколько книжекъ въ этомъ родѣ украдкою вышло въ свѣтъ и стоятъ бѣльшаго вниманія, чѣмъ можно было ожидать. Въ числѣ другихъ болѣе любопытенъ сборникъ басенъ и анекдотовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были потомъ напечатаны М. Лучкаемъ. Вотъ для образца языка одинъ разказецъ о человѣкѣ дикомъ и образованномъ (правописаніемъ подлинника):

«Сѣльскій человѣкъ мав познаемность изъ дикимъ, и призвавъ го на гостину. Пришелъ гость, привитатся краснѣ, и посалится за столъ. Поневачъ студено было, селянинъ руки идъ роту приложивъ, и дыхавъ на нѣ; дикій извѣдуется: прочто тото робишъ? — Зимно бо ми, та паровъ розгрѣваю. Потомъ зачерпнувъ лошковъ, и снову придувовавъ; дикій засъ свѣдуется, начто тото робишъ? — Бо горяча поливка, то застужую — отвѣтуе селянинъ. Тогда дикій каже: кедъ изъ твоего рота и тепло и студено иде, не хочу я твое побратимство, — будь здоровъ.»

Вліяніе ученія и общества было бы еще сильнѣе въ этомъ отношеніи, если бы не новое направленіе литературы во всей Европѣ, проникшее и въ этотъ темный уголъ, — направленіе, заставляющее дорожить, можетъ быть иногда и черезъ мѣру, всѣмъ народнымъ. Позже, чѣмъ куда либо, проникло оно въ полонины Бескида, и потому менѣе привилось, менѣе оживило собою образующуюся часть народа русинскаго, но уже привилось и начинаетъ оживлять молодое поколѣніе. Отъ молодаго поколѣнія, отъ этихъ новыхъ людей, можно ждаты

4832

трудоу литературныхъ , которые дадутъ новое значеніе восточному погорью Карпатовъ въ географіи языка и словесности русской. Теперь все еще въ зачаткахъ ; многое написано, но за неимѣніемъ средствъ ничто почти не напечатано. Могу сообщить здѣсь только о трудахъ мнѣ извѣстныхъ :

Священникъ *А. Довговичъ* посвятилъ свою дѣятельность на собраніе народныхъ пѣсенъ , пословицъ , выражений , рисующихъ бытъ и мысль народа.

Священникъ *П. Поповичъ* трудился надъ обработкою поэтического языка и написалъ нѣсколько прекрасныхъ элегій , подъ названіемъ «Смутки» , и довольно большую поэму «Текедій».

Молодой клерикъ *Герасимъ Свитъ* , юноша съ высокимъ дарованіемъ , выказалъ , какъ слышно , необыкновенное краснорѣчіе въ поученіяхъ , написанныхъ на языкѣ чисто народномъ , доказавъ въ нихъ , что не отъ языка , которымъ говоритъ народъ , а отъ умѣнья владѣть имъ зависитъ сохраненіе достоинства мысли , имъ выражаемой.

И. СРЕЗНЕВСКІЙ,

Д. Ч. Общ.
